
Глава девятая: Годы летят стрелой

В последующие годы Добби и Люциус Малфой в полной мере познали, что такое страдание и бессилие. Абраксас Малфой — эта редька редькой — после каждой тренировки несчастного сына удалялся в угол, скорчившись от душевных мук, а потом вызывал Добби и отводил на нём душу.

Абраксас, Люциус, Добби — всем троим жилось одинаково незавидно. Что организатор этого безобразия, что его невольные жертвы — страдали они совершенно одинаково.

Маленький Люциус ежедневно одолевал горы всевозможных предметов. Иностранные языки — ладно, это обязательная программа. Но зачем, скажите на милость, ещё и тренировка выносливости?! Каждый день его лупили палками толщиной с дерево — какая, к чёрту, выносливость, это же издевательство, это просто убийство! Впрочем, виновником своих бед маленький Люциус считал вовсе не папашу-редьку, а того проклятого домашнего эльфа. Не будь этого домашнего эльфа — не было бы и такого кошмара. О, его платиновые волосы... во что они превратились?! Проклятый Добби!

Абраксас же, лупцуя сына, всякий раз удерживал на лице судорожно-строгое выражение — и изводил своё несчастное дитя. Когда сын падал или терял сознание, Абраксас готов был оказаться на его месте, но ради будущего сына приходилось стискивать зубы и продолжать. Если для маленького Люциуса тренировки были пыткой телесной, то для Абраксаса — пыткой душевной. Чтобы хоть немного заглушить чувство вины, он неизменно вызывал Добби по окончании каждой тренировки и устраивал ему разнос.

Бедный же Добби с утра до ночи сходил с ума от бесконечных уборок и ремонтов в Поместье Малфоев. Он не понимал, как у внешне такого опрятного поместья может быть столько мест, требующих постоянного ухода — вещи, сделанные вчера, назавтра снова приходили в негодность; по всему дому непрерывно появлялась какая-то непонятная грязь, гоняя его из угла в угол. Но даже это было ещё не самым страшным. Самым страшным было то, что стоило ему с горем пополам со всем разобраться, как его тут же вызывала эта проклятая редька — которая, судя по всему, понятия не имела, что такое сон, — и принималась перевоспитывать. К тому моменту, когда редька наконец от него отставала, уже светало. Нужно было начинать новый рабочий день. Это было вопиющее издевательство...

Такой режим продолжался до тех пор, пока «Маленькому Бобу» не исполнилось шести лет. Конец ему положил сам «Маленький Боб» — своим острым умом и железной волей он завершил пятилетнюю программу досрочно. Всего три года — и полный курс пройден. По собственному признанию, он так старался лишь потому, что ежедневное издевательство было удовольствием ниже среднего: если три года мучиться — то же самое, что пять, незачем тянуть лишние два.

Оставшаяся часть программы носила сугубо практический характер, и Абраксас решил дать

«Маленькому Бобу» два года спокойной, радостной жизни. Разумеется, это вовсе не означало полного безделья — просто тренировки теперь проходили не каждый день, а раз в неделю, плюс постепенное знакомство с реальными делами.

По сравнению с первыми тремя годами эти два были для маленького Люциуса настоящим раем — беззаботным и счастливым. Абраксас тоже наконец-то вернулся к «нормальной жизни»: сын, конечно, дорог, но и красавицы не менее важны. Все эти два года он ради любимого сына не ел нормально и не спал толком, а теперь, когда умный мальчик завершил этот этап обучения, грех было не расслабиться. Обсудив с юным Малфоем планы на ближайшие два года, беспутный папаша-редька бросил своего любимого сына — и отправился к своим красавицам.

Вот только Абраксас не знал, что этот выход станет переломным моментом в его судьбе. Знай он это — ни за что не вышел бы именно сегодня и ни за что не пошёл бы сегодня к своим красавицам. Но, увы, наш дорогой «сифилисный дедушка» не ведал ничего о том, какое будущее его ждёт, а значит, судьба его была уже предрешена. Помолчим о нём в скорбном молчании.

Что касается бедного Добби — за эти три года он так и не вырос: всё та же внешность «Маленького Боба». Ничего не поделаешь: три года издевательств, которые были куда страшнее того, что выпало Люциусу Малфоем. Да, Люциус прошёл через тяжелейшие тренировки, но разве хоть раз после них у него не было горячей ванны? Изысканной еды? Его тело изнуряли — зато быт был устроен на загляденье.

У Добби же ничего подобного не было. Три года проклятая редька изводила его каждый день, работы было невпроворот. Единственным поводом для радости оставалось то, что контроль над собственным телом достиг шестидесяти процентов. Это значило: что бы ни случилось впредь, эти лишние шестьдесят процентов помогут ему удержать тело в узде. Захоти он, как три года назад, хорошенько отшлёпать «Маленького Боба» — он бы сдержался и не врезался в стену. Или врезался бы не больше десяти раз. Смотря, конечно, насколько серьёзным было бы прегрешение.

Но радости это Добби не приносило. Разве жалкими шестьюдесятью процентами возместишь три года мучений? Даже без всяких притеснений за три года освоения нового тела он набрал бы сорок-пятьдесят процентов — разница невелика, последствия не катастрофические. Выходило, что три года каторжного труда были по большей части бессмысленны. И самое обидное — он не просто голодал, ему ещё и спать не давали. Порой он всерьёз задавался вопросом: а вдруг Абраксас раскусил его и понял, что перед ним уже не прежний Добби? Решил его изжить?

Впрочем, похоже, нет. В конце концов Добби уяснил: редька просто отводила душу, потому что совесть её мучила после того, как она гоняла собственного сына. Вот и срывалась на нём. Дрянь такая! Хотя что тут скажешь — кто он, в конце концов, как не домашний эльф?

Словом, эти три года были для отца и сына Малфоев горько-сладкими, а для Добби — сущим адом. Но теперь всё позади. «Маленький Боб» вырос — и теперь стоял на балконе, блаженно подставив лицо тёплому ветерку. В Поместье Малфоев стояла своя система управления

климатом, и температура здесь всегда держалась на идеальной отметке. Папаша ушёл, а Люциус за прошедшие три года расцвёл вовсю — умный и хитрый, он давно понял, что отец при всём своём величии не заслуживал... ну, трепета. Так что схитрить при случае — дело вполне разумное.

Вызывать Добби он не собирался. За три года он многое понял. Прежнее его поведение было в высшей степени незрелым. Ценность Добби он уже осознал — по крайней мере, в теории следовало хорошо с ним обращаться, чтобы тот добровольно стал его преданнейшим... рабом.

Только вот Люциус вовсе не считал эту задачу простой. Три года они не виделись, но стоило закрыть глаза — и перед ним вставали глаза Добби. Огромные глаза, в которых не было ни следа страха, преданности или восхищения — ничего из того, что он привык видеть у других домашних эльфов.

В этих огромных глазах жили лишь равнодушие, недоверие и... насмешка. Взгляд, которого у домашнего эльфа в принципе быть не должно. Наверное, именно он и заставил трёхлетнего Люциуса тогда насторожиться — дети куда чувствительнее взрослых.

Такой Добби пробуждал в нём желание его уничтожить. Даже сейчас он относился к этому домашнему эльфу с нескрываемой настороженностью. Кто знает, чего Добби достиг за эти три года? Три года назад он уже умел заключить его в ловушку — и при этом разгадал тогдашнее душевное состояние отца. С таким существом надёжнее было бы не подчинить его, а убить. Но отцу он этого не сказал — тот всё равно не поверил бы. Вот незадача, подумал Люциус.

Ладно, ладно, махнул он рукой. Убивать жалко. Придётся держаться подальше и вырастить нового личного домашнего эльфа. Одно было ясно точно: этот проклятый Добби его никогда не убьёт — такой вывод он сделал, перечитав всё, что было написано о врождённых личных домашних эльфах.

В книгах ни слова не говорилось о цене предательства, зато там было сказано: жизнь врождённого личного домашнего эльфа — это одностороннее служение. Заключив контракт, эльф становился частью жизни господина. Жив господин — жив эльф; умер господин — умер и эльф. Хотя господин мог на смертном одре вернуть эльфу его жизненную силу. А если эльф добровольно откроет душу господину — тот сможет пользоваться его жизненной силой совместно.

В своё время один человек был принесён в жертву врождённым личным домашним эльфом и получил таким образом дополнительные двести лет жизни — для Малфоев это, конечно, было несущественно. Зато правило «жив господин — жив эльф» Люциуса вполне устраивало. Пока у него есть этот козырь — не страшно. Хмыкнув, он успокоился: пока сам жив — что бы ни случилось, переживёт.

Думая об этом, Люциус, подражая отцу, щёлкнул пальцами.

И тут перед ним — сонный, в чём мать родила — материализовался маленький эльф.

Кхм. Добби был не рядовым домашним эльфом — как-никак, в прошлом он был человеком. Спать в той вонючей тряпке, что служила эльфам одеждой, было равносильно смерти. Постирать её или сменить было нельзя, но хотя бы снимать на ночь — это было его принципом.

А то, что он дрых среди бела дня, имело веские основания. Три года — целых три года — он не знал нормального сна. Стоило наконец этой проклятой редьке убраться восвояси, как мамаша пожалела его, велела сначала выспаться, а с делами разберутся без него. Вот только он никак не мог предусмотреть, что хозяин, не тревоживший его целых три года, вздумает вызвать его именно сейчас. В полусне Добби повиновался инстинкту и явился пред своим «любимым» хозяином — совершенно позабыв, или сделав вид, что позабыл, что на нём сейчас нет ровным счётом ничего.

А Люциус обернулся — и увидел нечто омерзительное: домашний эльф в костюме Адама.

<http://bllate.org/book/18185/1752517>